

**ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСОВ О ТЕРРОРЕ, АМНИСТИИ
И СМЕРТНОЙ КАЗНИ В I И II ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМАХ:
ПОЗИЦИЯ ЛИБЕРАЛОВ**

Российский либерализм начала XX в. представляет собой достаточно сложную систему, включающую в себя консервативное, умеренно-прогрессивное и демократическое («радикальное») направления. Отсутствие своевременной адекватной реакции верховной власти на события в России, запаздывание в проведении назревших реформ, нежелание самодержавия расставаться с неограниченной властью вели к эскалации социальной напряженности, радикализации массового сознания и нарастанию отчуждения между обществом и государственными структурами.

На рубеже XIX–XX веков начался качественно новый этап в эволюции русского либерализма. В либерализме возникает и начинает набирать силу новое течение, носителем которого становится интеллигенция. Изменилась и сама тактика нового либерализма. Либералы-интеллигенты оказывали материальную и техническую помощь леворадикальным партиям и организациям [1, с. 140].

Систематический индивидуальный политический террор вызывал специфический общественный резонанс, поскольку являлся крайним выражением неприятия власти и противостояния ей. Либеральная общественность конца XIX – начала XX в. видела в действиях террористов примеры самопожертвования и героизма, а в них самих – людей редких гражданских качеств, которыми двигал глубокий гуманизм, и поэтому им прощали даже преступления [2, с. 25–26]. Так, В.А. Маклаков вспоминал: «Мне приходилось в судах защищать революционеров-фанатиков, которые ставили ставку против власти... я уважал их героизм, бескорыстие, готовность жертвовать собой и для других, и для дела: я мог искренно отстаивать их против жестокости и беспощадности репрессий государственной власти, тем более что она часто на них вымещала свои же грехи и ошибки» [3, с. 352].

В начале XX в. политический террор в России разросся до огромных размеров. Его жертвами с 1901 по 1911 гг. стали около 17 тысяч человек, причем пик террора пришелся на 1905–1907 гг., когда было убито и ранено более 9 тысяч человек, в большинстве своем – сотрудники государственного аппарата [2, с. 31–33]. Власть воспринималась интеллигенцией, в том

числе и либерально настроенной, как воплощение абсолютного зла, поэтому убийство или покушение на убийство для достижения определенных политических целей было обусловлено убежденностью в бесчеловечности существующего строя [4, с. 178]. Постепенно общество привыкало к постоянным терактам и политическим убийствам. До революции 1905–1907 гг. многие либералы, не принимая непосредственного участия в покушениях, одобряли террор и финансировали террористические предприятия.

Беспрецедентный размах террористической деятельности, ставший неотделимой частью общественной жизни в период революции 1905–1907 гг., заставлял все политические партии и группировки определять свое отношение к политическим убийствам.

Кадеты приветствовали издание Манифеста 17 октября 1905 г., но требовали созыва Учредительного собрания, которое должно было принять конституцию страны, а также немедленного проведения целого комплекса политических, экономических и социальных реформ [5, с. 158–159]. Поэтому, надеясь ослабить царское правительство, создать «деловой кабинет» из либеральных общественных деятелей и реализовать свои требования, партия Народной свободы стремилась поддерживать террористическую деятельность радикалов. Например, 23 ноября 1905 г. на заседании ЦК кадетов Н.Н. Щепкин выразил мнение, тогда доминировавшее в партии: «Не время борьбы с крайними партиями. Кто хочет бороться с революцией, тот должен выйти из партии. По-моему, не из партии, а из политической жизни» [6, с. 44].

Уже на заседании ЦК в Петербурге 8–9 апреля 1906 г. было принято решение разработать законопроекты по вопросам «об отмене смертной казни и об отмене юрисдикции военных судов по общим преступлениям» и «об отмене исключительных законов об усиленной и чрезвычайной охране (в связи с законом о свободах)». Предполагалось, что указанные законопроекты будут предложены в I Думе для их принятия, поэтому к 19 апрелю они были подготовлены и обсуждены на заседании ЦК партии [6, с. 68–70].

Доклад, сделанный М.М. Винавером на заседании ЦК 19 апреля 1906 г. по вопросу об амнистии, раскрывает и полностью отражает позицию кадетов, занятую ими на заседаниях I Государственной думы. Кадеты требовали амнистии для лиц, деяния которых были направлены на изменение политического или экономического строя [5, с. 488]. Иными словами, гуманность должна была коснуться террористов-революционеров. По вопросу смертной казни стоит отметить, что кадеты добивались ее полной отмены.

Неуступчивость правительства И.Л. Горемыкина в проведении реформ заставила кадетов перейти к открытой критике власти: «раз нас призывают к борьбе, – говорил Набоков, – раз нам говорят, что правительство является не исполнителем требований народного представительства, а их критиком и отрицателем, то, с точки зрения принципа народного представительства, мы можем сказать только одно: “Исполнительная власть да покорится власти законодательной”» [7, стб. 326].

Вопрос об отсрочке исполнения смертных приговоров волновал и консервативно настроенных либералов. Основатель и лидер Партии демократических реформ М.М. Ковалевский уже в начале заседаний I Государственной думы написал обращение Николаю II, в котором призвал: «...отсрочить исполнение приговоров до того момента, когда Государственной думой положено будет начало приближению нашей системы наказаний к требованиям народной совести и к мнениям русской юридической науки» [8, с. 286–287].

После обсуждения кадетского законопроекта об отмене смертной казни в комиссии он вернулся на рассмотрение заседания I Думы. Представители правительства (министр юстиции Щегловитов, главный военноморской прокурор Матвеевко, главный прокурор Павлов) на заседании 19 июля 1906 г. заявили, что отмена смертной казни не является своевременной мерой и не относится к компетенции Думы [9, стб. 1482]. В ответ кадеты выступили в поддержку предложения трудовиков о немедленном принятии закона об отмене смертной казни. В тот же день он был принят и направлен для утверждения в Государственный совет, который его отклонит.

В отличие от кадетов, лидеры «Союза 17 октября», как и другие консервативно настроенные и умеренно-прогрессивные либеральные партии, осознавали дестабилизирующую силу ежедневных покушений, подрывающих сам принцип законности и порядка, и считали, что необходимо осудить любой террор для восстановления стабильности в обществе [2, с. 286–287]. Именно неизменная приверженность принципу ненасилия в политической деятельности способствовала консолидации умеренных сил, прежде всего в Государственной думе.

Е.Н. Трубецкой в своей публичной лекции, прочитанной на «политическом турнире», организованном партией мирного обновления в Петербурге 21 декабря 1906 г., осветил позицию либеральных партий в I Государственной думе по вопросам осуждения политических убийств и амнистии. Так, по его мнению, «Союз 17 октября осуждает политические убийства, но допускает свободу мнений по вопросу о смертной

казни. Многие из них с нею мирятся и даже одобряют военно-полевые суды». Также в указанной лекции была объективно вскрыта тактика кадетов: «Конституционно-демократическая партия никогда не выражала одобрения политическим убийствам, но она никогда не выражала им осуждения. Слово осуждения раздавалось иногда со стороны отдельных ее представителей, но партия безмолвствовала. И оттого-то прекрасные слова против смертной казни в ее устах теряли силу и аргументы в пользу амнистии недостаточно убеждали» [8, с. 115–116].

Руководство партии кадетов в лице П.Н. Милюкова полагало, что террористическая деятельность была «логична» при сложившихся обстоятельствах, когда террористы являлись лишь невинными жертвами тирании и беззакония, идущего сверху [10, с. 353]. В. Маклаков не без оснований утверждал, что кадетское руководство считало революционеров «не врагами конституционного строя, а “союзниками слева”... Уже в 1-ой Государственной Думе, которой кадетская партия руководила тогда, она отказалась вынести даже на будущее время моральное осуждение террору, как средству борьбы, и это в момент, когда за прошлое она для всех просила амнистии» [3, с. 351].

Готовясь к заседаниям II Думы, ЦК партии кадетов 10 февраля 1907 г. постановил, что необходимо выработать обязательное для фракции партийное решение по вопросу отношения к террору, с учетом того, что «при предложении осуждения террора такое должно быть отвергнуто» [6, с. 177]. Составление проекта резолюции с подробной мотивировкой было поручено М.М. Винаверу и В. Гессену. 16 февраля 1907 г. в своем докладе на пленарном заседании ЦК Милюков предполагал, «что правые, вероятно, потребуют от Думы осуждения революционного террора», но «такое провокационное предложение следует категорически отклонить» [11, с. 257]. Уже 17 февраля 1907 г. на заседании ЦК М. Винавер сделал сообщение по вопросу о политических убийствах, смысл которого заключался в том, что предлагалось их не осуждать, поскольку зло, неизбежное при конкретных условиях политического строя [6, с. 505–506]. Кадеты пытались внушить публике, что все убийства с политической целью совершались в ответ на зверства правительственных функционеров.

Во II Думе дебаты о терроре велись постоянно. Стоит отметить, что правительство П.А. Столыпина не внесло во II Думу законопроект о военно-полевых судах, поэтому, согласно Основным законам, их действие должно было автоматически прекратиться 20 апреля 1907 г. Иными словами, вопрос об отмене военно-полевых судов был предрешен. Кадеты, пытаясь поднять свой авторитет за счет демонстрации своей оппози-

ционности, решили внести в Думу законопроект о немедленной отмене военно-полевых судов, не дожидаясь формального срока их отмены.

Позицию кадетов по этому вопросу предельно четко сформулировал докладчик от фракции кадетов В.А. Маклаков, заявив: «Я думаю, что это ошибочный путь – ударять по революции для ее прекращения. Я не менее, чем власть, хочу конца революции... Я скажу, что, ударяя по революции военно-полевыми судами, вы ударяете по нам, мирным гражданам, по всем тем, которые хотят суда и законности» [12, стб. 389–390].

В ходе прений 12–13 марта по данному вопросу выяснилось, что октябристы и близкие к ним депутаты требовали осуждения как революционного, так и правительственного террора. Кадеты, осуждали смертные приговоры, выносимые военно-полевыми судами, но отказывались порицать террористов [12, стб. 354–525]. В ответ 13 марта 42 правых и умеренных депутата выступили с заявлением «О выражении Государственной Думой порицания политическим убийствам и террору», но запрос был отклонен [12, стб. 526–528].

Во II Государственной думе кадетам весной 1907 г. в течение длительного времени удавалось противодействовать дебатам о революционном терроре и стремлениям вынести резолюцию с его осуждением [13, с. 75]. Раз за разом они голосовали за то, чтобы отложить дебаты о революционных убийствах [12, стб. 1714–1715]. Наконец, 15 мая 1907 г. они официально объявили о своем решительном и безоговорочном отказе голосовать за резолюцию «о порицании убийств, террора и насилий» [14, стб. 608–610].

Ситуация для кадетов усугублялась переговорами с П.А. Столыпиным о легализации кадетской партии и условием сохранения II Думы взамен за осуждение революционного террора. Милюков должен был опубликовать в партийной газете «Речь» статью с осуждением политических убийств, но после разговора с Петрункевичем, который был категорически против подобной уступки, мотивировав это тем, что «Вы губите собственную репутацию, а за собой потянете и всю партию», отказался печатать подобную статью [15, с. 430–432].

Следовательно, радикализация политической жизни России была удобна кадетам, так как угроза усиления революции могла заставить власть идти на уступки. Таким образом, становится ясно, что, несмотря на все уверения кадетов, что будто бы они действуют в соответствии с законом, эта партия не могла заставить себя публично отречься от политических убийств.

По результатам работы II Государственной думы князь Е.Н. Трубецкой изменил свое отношение к «Союзу 17 октября», поскольку «в Думе второго созыва нельзя было отметить уклонений этой партии от строго-конституционной линии», так как парламентская фракция октябристов высказывалась «против военно-полевых судов» [8, с. 164].

Таким образом, умеренные и консервативные либералы во II Думе не отказывались от жесткой критики правительственного террора, потому что насилие со стороны государства препятствовало установлению уважения к праву и добровольному подчинению закону. Но, с другой стороны, осуждались и всякие террористические акты революционеров: экспроприации, убийства, вооруженные восстания и т. д., поскольку такая революционная деятельность – вредное и преступное проявление насилия, торжество которого может привести лишь к поклонению грубой силой и создать почву для новых насилий. Только путь конституционной борьбы представлялся им перспективным в борьбе за установление в стране законности и порядка.

Примечательно, что правый («черносотенный») террор практически все либералы осуждали, особенно кадеты. Поэтому не случайно черносотенцы избрали объектами индивидуального террора представителей либерального течения. Известно, что нападению черносотенцев подвергся лидер кадетов П.Н. Милюков. Но наиболее на шумевшими террористическими актами черносотенцев были убийства двух членов ЦК кадетской партии – М.Я. Герценштейна и Г.Б. Иоллоса. Обе жертвы олицетворяли для черносотенцев ненавистного врага: они были либералами, бывшими депутатами «мятежной» I Государственной думы, подписавшими Выборгское воззвание, и евреями. Не удивительно, что кадеты уже изначально в своем законопроекте по вопросу амнистии оговаривались, что «в основе проекта об амнистии лежит мысль, что от наказания должны быть освобождены те, кто стремится к цели, признаваемой нами ныне справедливой. Сюда подходят как деяния, направленные к изменению политического, так и деяния, направленные к изменению экономического строя. Ничего общего не имеют с оправдываемыми, с нашей точки зрения, целями избиения и грабежи, производимые из побуждений религиозной и национальной вражды... Распространение амнистии на лиц, учинивших погромы, явилось бы ничем не оправдываемым помилованием грабителей и насильников и – что главное – освобождением от кары их подстрекателей. А поскольку погромы являлись одним из средств борьбы правительства с освободительным движением, такая амнистия покрывала бы собой... противозаконные действия правительственных

агентов» [6, с. 488]. Стоит сказать, что и другие более консервативные либералы ограничивали требование политической амнистии в отношении убийц и грабителей, например, лозунгом: «Нет амнистии преступникам, пролившим человеческую кровь и собирающимся ее проливать! Их место в тюрьме и каторге, как и всех уголовных преступников, а не среди мирного населения! Этого требует общественная безопасность и здравая логика! Это необходимо!» [16, с. 129], но они старались, в отличие от кадетов, не делать различий в направлениях террора и исключений для кого-либо.

3 июня 1907 г. Николай II распустил II Думу и изменил избирательный закон. Пророчески прозвучали слова октябриста М.А. Стаховича: «Помните, господа, что если Государственная дума не осудит политических убийств, то она совершит его – над собою» [14, стб. 756]. Со второй половины 1907 г. обнаруживается охлаждение всего либерального лагеря к революционерам вообще и к террору в особенности. Постепенно путь террора становится непривлекательным и для общества, поскольку вакханалия убийств и ограблений способствовала «дегероизации» террористов. В итоге общество осознало бесперспективность и крайнюю неэффективность пути террора в борьбе с государством за выполнение своих требований. Власть пошла на некоторые уступки и предоставила политические права и свободы населению. Даже в условиях окончания революции Николай II не стал полностью ликвидировать Государственную думу, ограничившись лишь изменением механизма ее избрания. Постепенно террор практически полностью уходит из жизни и политической борьбы, так как проведенные властью реформы позволили общественному недовольству найти легальные пути для своего выражения и возможности самореализации.

Значение террора в истории России трудно переоценить. Терроризм своеобразно и идейно «воспитывал» русское общество [17, с. 354]. Проблема отношения к различным видам террора и оценки этого явления, по сути, расколола либералов. Если для «демократического» либерализма (например, кадетов) это во многом было тактическим вопросом, то для умеренных и консервативных либералов любой террор никогда и ни при каких условиях не мог быть оправдан с нравственно-этической точки зрения, хотя это и приводило к косвенной критике правительства, которое вело борьбу с экстремистами, поскольку многие из них считали, что именно нежелание государства в проведении реформ и демократизации власти было источником, порождающим подобные методы борьбы,

а путь выхода из сложившегося положения виделся в созидательной деятельности Государственной думы, ориентации на поиски консенсуса, на согласование интересов различных слоев общества, создание широкого блока реформистских сил, проведение необходимых, с их точки зрения, преобразований, установление твердого и стабильного конституционного строя и т. д.

Библиографический список

1. Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX – начало XX в.) М., 1995.
2. Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М., 1997.
3. Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.
4. Леонов М.И. Террор и смута в Российской империи начала XX в. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2007. № 5 / 3 (55).
5. Политические партии России: история и современность. М., 2000.
6. Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. Т. 1. М., 1994.
7. Государственная дума: Созыв первый. Сессия первая. Стенографические отчеты. Т. 1. СПб., 1906.
8. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М., 2002.
9. Государственная дума: Созыв первый. Сессия первая. Стенографические отчеты. Т. 2. СПб., 1906.
10. Милюков П.Н. Год борьбы. СПб., 1907.
11. Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983.
12. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т. 1. СПб., 1907.
13. Леонов М.И. «Заговор против императора» и II Государственная Дума // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2009. № 7 (73).
14. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т. 2. СПб., 1907.
15. Милюков П.Н. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. Нью-Йорк, 1955.
16. Партии российских промышленников и предпринимателей: документы и материалы. 1905–1906 гг. М., 2004.
17. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000.